

БОЙЦЫ ОГНЕННОГО ФРОНТА

ЗА РОДИНУ! ЗА ЛЕНИНГРАД!

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

БОЙЦЫ ОГНЕННОГО ФРОНТА

ОГИЗ • ГОСПОЛИТИЗДАТ
ЛЕНИНГРАД • 1943

1

Наш город—город-фронт. Ленинградские бойцы всех родов оружия сражаются на этом фронте. Нет такой профессии, которая не вносила бы своей доли в дело обороны. Особое место занимают мужественные, неутомимые пожарные. Враг, стоящий уже двадцать месяцев под Ленинградом, не смогший взять его штурмом и голодной блокадой, все эти месяцы бомбил и бомбит город, обстреливает его, враг хочет сжечь, уничтожить склады, корабли, вокзалы, заводы, госпитали, музеи, жилища.

Пожар — это бой, в котором не знают обороны. Только наступая, можно уничтожить огонь. Для этого надо быть умелым, технически вооружённым, закалённым бойцом.

Борьба с огнем всегда входила в обязанности бойцов огненного фронта, но в мирное время она не требовала ни такой напряжённости, ни такой сложной техники. Да и тактика тушения была совсем иной.

18 апреля 1918 года В. И. Ленин подписал

декрет о мероприятиях по борьбе с пожарной опасностью. Тогда же начало возникать новое пожарное дело, существенно отличавшееся от постановки пожарного дела в старой России. Изменилось противопожарное оборудование, были созданы новые кадры, возникло искусство предупреждения пожаров, пожарная профилактика. Росла новая техника. Росли новые руководители.

Когда грянула война, пожарные Ленинграда были оснащены уже совсем не похожей на дореволюционную техникой, газодымозащитными и прожекторными машинами, большими механическими лестницами, пеногенераторами. Они уже имели командиров, кончивших ленинградский Пожарный техникум. В их рядах были уже инженеры противопожарной обороны и другие специалисты пожарного дела.

Ленинградские пожарные явились во время войны инициаторами Всесоюзного соревнования, которое началось с третьего квартала 1942 года. В ноябре они уже получили переходящее знамя, которое с честью удерживают и до сих пор. Цифры, которые могут подтвердить их достижения в деле соревнования, красочны и почётны. Так, по сравнению с первым кварталом сорок второго года, в первом квартале сорок третьего года они снизили в три раза горимость зданий в городе, снизили за то же время убыточность от пожаров в сто двенадцать раз.

Не надо забывать, что работа ленинградских пожарных протекала в условиях, резко отличных от тех условий, в которых работают пожарные

других городов Советского Союза. Эти условия, созданные военной обстановкой, потребовали от рядового и командного состава особого мужества, напряжения и уменья, какого не знало никакое другое время. Только пожарные Лондона в дни сильнейшей воздушной борьбы над Англией испытали подобное тому, что приходится испытывать пожарным Ленинграда. Да и то многое из того, что пришлось пережить ленинградским пожарным, не имело места в Лондоне, так что опыт ленинградцев остаётся непревзойдённым мировым опытом.

Сейчас в Ленинграде многие тысячи его защитников получили медаль за оборону Ленинграда. Эта награда, служащая выражением признательности советского народа за неповторимые дни обороны, служащая выражением особого внимания партии и правительства, украшает грудь доблестных бойцов города-фронта недаром. Пожарные носят её, занимая своё особое место в рядах защитников Ленинграда. Они заслужили эту высокую награду непрерывными делами, непрерывной бдительностью, самоусовершенствованием и храбростью.

Рано ещё говорить подробно о всех подвигах, совершённых ими на трудовом фронте. Но пришло уже время сказать более или менее широко о работе этих самоотверженных тружеников, отдать должное их повседневной отваге. Более восьмидесяти бойцов и командиров—пожарных награждены орденами и медалями Советского Союза. Весь ленинградский пожарный гарнизон удостоен

высшей правительственной награды — ордена Ленина.

История бойцов огненного фронта заслуживает самого большого внимания.

2

Тихая, тёмная ленинградская ночь. Чёрными громадами стоят дома над едва поблескивающей Невой. Красные огоньки редких машин останавливаются на перекрёстках по сигналу постовых. Город затемнён. Не угадать с самолёта расположение улиц. Окна заводских цехов, комнаты учреждений, квартиры ленинградцев закрыты наглухо фанерой, тёмными занавесками, синей бумагой. Опустелые дома забиты досками. Всё тихо на улицах. Пустынны площади и мосты, бульвары и улицы.

И вдруг, рождаясь неизвестно откуда, проносится заглушённый вой сирены. Его подхватывают отовсюду. Спавший, казалось, город ожил. На всех постах бодрствуют, чтобы встретить воздушного врага. Некоторое время над крышами и пустынными просторами набережных и улиц катится смутный вал воздушной тревоги. Потом всё смолкает.

Наступает гнетущая тишина ожидания, и воздух начинает гудеть неприятным визжащим скрежетом вражеского бомбардировщика, прорвавшегося к городу. Тогда к небу вздымаются лучи прожекторов. Они появляются со всех сторон.

Их голубоватые, белые, ослепительные лучи шарят по всему небосклону, подымаются отвесно, перекрещиваются—и разражается адская канонада.

Красные звёздочки трассирующих снарядов неслышно скользят вверх. Грохот достигает наивысшего накала, и, слышимый сквозь канонаду, в воздухе растёт свист летящих бомб.

Глухие удары звучат на земле. Появляется красное зарево. Языки огня вздымаются над городом. Тогда в казарме пожарной команды звонит звонок. На сборы полагается пятьдесят-шестьдесят секунд. Но гораздо раньше пожарные уже на машинах и, не обращая внимания на канонаду и гудение над головой, на осколки от зенитных снарядов, они мчатся туда, где пламя.

Надо скорее кончить с этим пламенем, потому что оно—ориентир. На это пламя налетят новые самолёты, по этому пламени будут сейчас бить фашистские пушки. При свете пожара ориентируются вражеские налётчики, ища новые объекты бомбёжек. Надо спешить. И пожарные спешат, как никто.

И вот они перед огнём. Огонь бушует в громадном доме, среди повисших балок, разгромленных этажей, обвалившихся лестниц; кругом гул падающих стен, крики, дым, ползущий со всех сторон.

Это бой, который надо выиграть, приняв немедленное решение. Воздушная волна валит людей наземь, рвёт рукава насосов. Новые залпы зени-

ток отгоняют врага. Огонь стоит над городом. В ночной тьме он виден далеко.

Пожар—бой. Пожарные знают только наступление. Быстрота и стойкость — вот их основные качества. Руководитель бросается в разведку. Он безошибочно должен расставить людей, дать задачу. Его враг—огонь. И вот уже стендерные отыскивают воду, отыскивают гидранты, стволовые устремляются в огонь.

Шофёры уже встали на автонасосы. Командиры команд со связистками пробираются среди огня и дыма на свои позиции. Связистки разносят их приказы. Эти девушки не знают страха. Они идут за командиром на крышу, которая может провалиться под их ногами. Они видят под собой огненное озеро. Они идут в тёмную пасть развалин, где рушатся переборки. Они отыскивают тех, кому командир приказал переменить место.

Раздвигаются лестницы. Огромные, тяжёлые, освещённые пожаром, они растут со сказочной быстротой. Штурмовые мостики перекидываются на подоконники, и люди в касках, стоя на головокружительной высоте, бросают блестящие струи в огненное клокотанье. Работа пошла. Теперь стволовой ничего не помнит и не видит, кроме ствола. Он охвачен боевым вдохновением, он сражается лицом к лицу с врагом и следит за всеми его уловками.

В лицо ему пышет свирепый жар, ноги охватывают языки пламени, в горло лезет удушливый дым. Дым становится гуще. Точно какой-то дракон выкидывает его из своей чёрной пасти. Работать

стволовому больше нельзя. Здесь нужны дымовики. И они появляются.

Это — гвардия. С аппаратом КИП—кислородным прибором—они должны найти очаг пожара. Они уходят во тьму, и вслед им несутся блестящие струи, чтобы не дать огню замкнуться за их спиной.

Дымовики проламывают стенку, разбирают перегородки, вскрывают пол. Они обнаружили очаг пожара...

Но тут в рёв пламени врывается новый непонятный звук. Среди треска разбиваемых перегородок, падения балок, на улице, ярко освещённой пожаром, вырастают чёрные столбы, прорезанные зеленовато-красным пламенем, которые вонзаются в землю, в стены с оглушительным звоном. Это рвутся снаряды. На свет пожара враг открыл обстрел из дальнобойных орудий. Снаряды рвут рукава, ударяют рядом с машинами, отбивают карнизы и кирпичи. Бой продолжается. Никто не обращает внимания на снаряды. Это осложняет дело, но не может остановить тушения.

И вот пламень взметнулся последний раз, осел и зарылся в угол. Он сбит со всех позиций. Враг отступил. Его надо добить. И его дружно добивают. Снаряды рвутся в районе, но уже ориентир потерян. Снаряды проносятся над головами, лязгают где-то на других улицах.

Дом чернеет зубцами разбитых стен, по ним стелются остатки дыма. Бой выигран. Штаб сообщает, что пожар ликвидирован. Смотрят на часы. Всё длилось два часа, даже меньше.

Командиры расходятся по машинам. Во главе их—товарищ Сериков. Товарищи называют его бессменным насосовым города. Он—сподвижник легендарного Чапаева. Когда-то он врывался вместе с лавиной кавалерийской атаки в неприятельские ряды. Теперь он атакует стихию огня в Ленинграде, и немало побед одержано им в огненных битвах. На всех больших пожарах он обязателен, так же как и его помощники Климов, Голубев, Кончаев, Тарвид и Демьяненко.

Тут и опытные дымовики—командир отделения Шереметьев и Константинов. Тут и вся оперативная группа, дежурный по городу—то Луковников, то Данилов, то Дегтярёв, то Мялло.

Пожарные возвращаются к себе. Но не исключено, что не успеют они прилечь на свои койки, как новый сигнал позовёт их к бою. И снова через пятьдесят-шестьдесят секунд они внизу у машин и снова мчатся они по ночным улицам туда, где огненный столб стоит над домами.

3

Теперешнего пожарного не сравнишь со старым. Мало того, что культура пожарного работника поднялась несоизмеримо, он должен в военное время заниматься множеством дел, прямо с его основной работой не связанных.

Возник огромный отдел профилактических работ. Этот отдел ведёт работу с населением через особых инспекторов профилактики.

Население охотно учится технике предупреждения пожаров. В городе всюду вы встретите надписи, говорящие о том, как надо зорко смотреть за тем, чтобы не возникали так называемые „бытовые пожары".

Население само научилось тушению малых пожаров, возникающих от неисправных печей, керосинок, от неосторожного обращения с огнём.

Пожарные отремонтировали тысячи дымоходов в городе, очистили от сажи, став трубочистами, сотни тысяч дымоходов. Заглушили множество вентиляционных труб, чтобы пресечь возможность их использования для незаконно поставленных „времянок".

Пожарные отогрели пожарные колодцы, устранили неисправности, из телефонных колодцев откачали воду, убрали лёд. Вырыли новые водоёмы. Разбирали дома на топливо, помогая населению. В трудное время зимы сорок первого года снабжали водой пекарни, бани, паровозы. Отремонтировали причалы на реках и каналах.

Выучили население тушить „зажигалки". Хорошо выучили. Население само потушило девять десятых всех упавших на город зажигательных бомб.

Пожарные сами организовали во время войны производство пожарно-технических средств и произвели их на двенадцать миллионов рублей.

Лозунг, под которым ведётся вся работа пожарных, краток: „В городе-фронте не должно быть загораний от бытовых причин!". Бомбы—это дело другое. А в остальном—дисциплина самая строгая.

— Мучительно слышать звонок бытового по-

жара,—говорят ленинградские пожарные:—значит, мы недоглядели, плохо работали с населением.

Среди пожарных работают не только мужчины, но и женщины. Ленинградская женщина, перенесшая исключительные трудности во время осады, оказала делу обороны огромную помощь, придя на все участки, где требовалась помощь. Она заготовляла дрова, строила укрепления, работала в МПВО, в госпиталях, не говоря уже о заводах, фабриках и учреждениях,—она пришла и в пожарные. О её работе говорят с гордостью. Женщины-пожарные дисциплинированы, храбры, упорны и организованны. Иные из них заняли руководящие должности.

Более двухсот женщин работают заместителями начальников команд, начальниками караулов и инспекторами-профилактиками. Некоторые впервые в истории пожарного дела стали начальниками пожарных команд.

Женщины-бойцы работают наравне с мужчинами. Мастерами своего дела стали такие бойцы, как Репникова, Капустина, Подберёзкина, Романова и другие.

Пожарное дело—непростое дело. Сказать, что в городе всё по части пожарного устройства в абсолютном порядке, было бы неправильно. Как на фронте бойцы непрерывно совершенствуют своё знание и уменье владеть оружием и приёмами боя, так и пожарные продолжают совершенствовать свою работу с пожарными насосами, рукавами, огнетушителями и другими нужными инструментами.

4

Зимой сорок первого—сорок второго года сила воли ленинградцев подверглась тягостнейшим испытаниям. Город стоял в сугробах, как занесённый буранами на севере корабль. Пожары грозно росли. Космы дыма метались в морозном воздухе. Не было воды. Висели ледяные наросты, вставали сугробы — а воды не было. Тогда начали тушить пожары без воды. С сотворения мира не видели подобного.

Пылал огромный фасад. Пожарные влезали на крышу и разбирали, шатаясь от голода, вручную горевшие конструкции, сбрасывали их вниз, на ледяную подушку подвала, и забрасывали снегом. Пожар потухал под белой пеленой.

Когда надо было спасать важные части горевших объектов, двери, к которым подбирался огонь, обкладывали мокрыми тряпками, поливали топлёным снегом: пожарные рукава не действовали. Подготовляли впуск морозного воздуха. И когда двери прогорали, холодный воздух врывался смерчем в помещение, где уже рушились перекрытия, и пламя отклонялось в сторону метра на полтора. Оно нехотя уходило прочь, оно повёртывало. Пожар останавливался.

Население приходило на помощь. Устанавливались длинные очереди, передававшие из рук в руки ковши и ведёрки с водой, скопленной в ваннах, на кухнях, в бочках на квартирах.

Голод стучался во все дома города. Не миновал он и пожарных. Когда одному стволовому

нехватало сил держать ствол, на стволе начинали работать четыре человека. Начальники, бывали случаи, становились на смену топорников и стволовых.

Бывало, что ствол начинал подавать струю не туда, куда надо. Шли смотреть, в чем дело, и находили умершего на посту, прислонившегося к стене мёртвого пожарного.

В декабре не стало горючего. Осталось семь процентов машин, да и те нуждались в ремонте. Тогда пожарные, нагрузив на себя всё оборудование, спотыкаясь от слабости, шли на пожар.

Когда бомбы подразрушили мастерские, шофёры команд взяли на себя весь текущий ремонт и справились с ним.

Вышла из строя почти вся электрическая пожарная сигнализация. Нечем было заряжать аккумуляторы. Одно время замолчал и телефон.

А пожары свирепствовали. Тогда стали поддерживать связь бегунами, пешеходами, бегали на лыжах, ездили на мотоциклах.

В январе не стало водопровода. Диверсанты пытались поджигать пустые дома. Диверсантов ловили, пожары тушили, не давая им распространиться.

Пожарные валились с ног от голода. Почти все имели бюллетени, а получение бюллетеня в то время в городе значило, что человек не стоит на ногах. И он не может выходить на работу. Начальник одной из боевых команд тов. Каляев, придя в команду, увидел, что беда налицо. Из восьмидесяти человек только восемь годились на

дело. Остальные лежали, накрывшись одеялами.

Он встал посреди комнаты и сказал: „Товарищи, вы меня слышите?“ — „Слышим“, — отвечали слабыми голосами его люди, с которыми он ещё так недавно побеждал огневую стихию. — „Так вот, товарищи, так продолжаться не может! Что же, мы будем лежать, а город будеть гореть? Что же, мы одолеем блокаду или она нас?“

„Никогда!“,—сказал ближайший, и люди стали сползать с кроватей. Они мусолили карандаши, брали бумажки и шли к столу. Скоро на столе лежала груда бумажек-заявлений, и на каждой было написано: отказываюсь от бюллетеня. То же произошло во всех командах. Шесть человек сам начальник уложил и не велел вставать. Остальные, взвалив на плечи тяжёлое оборудование, снова шли по глубокому снегу на работу.

Что вело этих людей? Ненависть к врагу горела в их сердцах. Ни на одну минуту они не могли помыслить, что их родной город согнётся, уступит, сломается под тяжестью осады. И они работали, как все другие труженики Ленинграда. Они не сдавались.

Людям нужны были витамины, нужны были овощи. Город не имел их, потому что все его пригородные хозяйства стали полем битвы, и урожай по осени собрать было невозможно. Фронт проходил по занесённым снегом огородам.

Начальник одной прифронтовой команды тов. Юшков, старый, опытный пожарный, попросил командование разрешить смелое предприятие.

Полоса переднего края как раз пересекала огороды одного пригородного совхоза. По обе стороны гряд лежали окопы.

Разрешение было дано.

При свете ракет, под пулемётным огнем и миномётным обстрелом, среди минных полей пожарные в белых халатах приближались ползком к немецким линиям и копали свёклу, брюкву, морковь, вытаскивали замёрзшие капустные кочаны. Так было каждую ночь. И всю зиму они кормили товарищей овощами. Весной им отвели огород, брошенный огород рядом с фронтом, где всё было великолепно, кроме того, что там нельзя было ходить во весь рост, можно было работать только лёжа, прижавшись к земле. Когда трава выросла и кусты стали покрываться зеленью, люди приподнялись на корточки, в середине лета они осторожно работали на коленях. Пожарные-огородники оправдали себя. Огород удался на славу, и даже обстрелы не могли ему повредить.

Так жили и работали в то незабываемое время.

5

Пожары бывали разные. Когда горели, например, нефтепродукты, чёрный дым вставал в небо, громоздя один дымовой Эльбрус на другой. Дым этот стлался и по земле, и сквозь него блистал жёлтый и красный огонь, растекаясь во все стороны. Даже рельсы стали выгибаться от такого нестерпимого жара. Огонь тёк по канаве, как

лава. Поток этой шипящей тяжёлой жидкости окружил группу пожарных, у которых остался один путь отступления—маленький мостик. Люди были как на островке, окружённом огненным морем. Тут и проявил присутствие духа шофёр тов. Прохоров, который вывел машину через горящий мост вместе с людьми и рукавами.

Если посмотреть со стороны на этот пожар, то казалось, что человеку тут делать нечего. Это бушевала огненная буря, одним видом устрашавшая любого. Любого, но не ленинградского пожарного.

Пожарные бросились навстречу чёрно-огненному шквалу. Канаву, по которой шёл поток, надо было не только тушить, надо было её закреплять песчаными перемычками, так как иначе потушенная жидкость спустя некоторое время снова загоралась.

Всё тушение происходило под сильным обстрелом. Раненые не выпускали из рук стволов, продолжали оставаться на посту, пока их не сменяли. Так поступил командир Шкарин. Раненный осколком в ногу, он наступал на огонь, как гвардеец в бою, и только по приказу ушёл на перевязку. Нагретая жидкость бурлила вокруг в баках, готовая взорваться или загореться. Стволы перебивались осколками, как и рукава. Но пожарные мужественно двигались в этом кромешном аду, сбивая пламя. Начальник отделения политотдела старший лейтенант Гансон и зам. по политчасти капитан Антропов бесстрашно шли впереди бойцов, и это воодушевляло людей. Все командиры

были на самых опасных местах. Как сдерживают атакующего врага, чтобы он не прорвался в глубину обороны, так сдерживали это пламя геройские люди ленинградских пожарных команд.

Обстрел выводил из строя людей и технику. Но вместо раненого товарища сейчас же вставал на смену другой. Шофёр Прохоров упал у своей машины, сражённый снарядом. Шофёр Горин стал обслуживать два автонасоса и продолжал бой.

Такие связные, как боец Голосовкер или химинструктор Репкина, не боясь опасности, исполняли свой долг. Начальник караула Шулагин и сержанты Кудряшов и Сараев, закрываясь от огня щитами из носилок, шли по колени в нефти, атакуя огонь.

Боец Баранова с вышки, вокруг которой рвались снаряды, точно вела наблюдение за ходом пожара. Вышка была повреждена, но она продолжала работу.

Всюду появлялся спокойный тов. Сериков, и он своими глазами мог видеть, как умело работают его люди в обстановке, необычайной по трудности. Грохот разрывов смешивался с воем пожара и треском пробиваемых железных стенок. Горящая нефть залила даже водоём, превратив его в пылающее озеро. Час проходил за часом в борьбе, не поддающейся описанию. Когда-нибудь будет обнародован фильм, заснятый на месте пожара, и этот красноречивый документ покажет удивлённым современникам, какие подвиги творили скромные героические люди, не знавшие страха.

Пожар, которому, казалось, не будет конца, был локализован уже через сорок минут, а через три часа тридцать пять минут пламя было окончательно сбито и потушено.

Трудно даже представить, какие ценности были спасены этой беззаветной работой. Достаточно было бы только подробного описания этого одного пожара, чтобы понять всё величие и опасность работы пожарных.

6

Враг делал ожесточённые налёты. Десятки тысяч „зажигалок“ летели вниз, свистели фугаски, разрывались бомбы замедленного действия.

Как только ни работали пожарные Ленинграда, в каких только сложных обстоятельствах ни были они за время войны! Они тушили склады, знаменитые здания, больницы, они лазили в трюмы, куда никто не осмеливался проникнуть, в отверстие, проделанное снарядом: там лежали боеприпасы, которые могли с минуты на минуту взорваться. Отважные дымовики Тихонов, Илларионов, Дементьев под непрекращающимся обстрелом пролезли в трюм и потушили пожар.

Когда вспыхнули „американские горы“, две трети города было освещено, как днём. На мосту лейтенанта Шмидта можно было читать газету. Сотни „зажигалок“ горели всеми цветами. Пожар грозил уничтожить все здания вокруг. Но пожарные спасли даже половину „американских гор“ и не пустили огонь дальше.

Когда горят и взрываются снаряды, в воздухе носятся обломки досок и брёвен, работать совсем не так легко, как при обыкновенном пожаре. А ведь работали! В этом столпотворении трудились десять часов, вручную откатывая загоревшиеся вагоны. Тут погибла женщина-пожарный Стаценко. Вагоны раскатили. Когда огляделись, не поверили, что могли работать в такой обстановке. Но когда стволовой берёт в руки ствол, а топорник — топор, они увлечены только своей прямой работой. Никакой самый страшный эффект на них не действует удручающе.

Так держали в своих обожжённых, крепких руках знамя Ленинграда пожарные великого города.

Кто же эти люди, так беззаветно стоящие на боевом посту пожарной охраны Ленинграда? Здесь и старые и молодые, женщины и мужчины, — но их соединяет одно чувство советского патриотизма, одно чувство долга и боевого товарищества.

Среди них есть подлинные герои, как Коновалов, который участвовал в тушении горящей нефти под обстрелом, шесть раз возобновлявшимся. Тушили без специальной сетки. Намачивали ватник и обматывали голову. Горящая нефть бурлила среди кирпичных стенок. Один неосторожный шаг — и конец. Стволовые держали стволы, подавали воду, не ложась. Каждые пятнадцать минут падали снаряды, а они работали.

Начальник одной из команд тов. Каляев — воспитанник владикавказской команды. Он написал домой в трудные дни Владикавказа, как ленингра-

дец, призывая своих земляков защищать родной город до последней капли крови, и как же он был рад получить с далёкого Кавказа братский привет и весть о победе!

Есть что рассказать и самому товарищу Каляеву. Он знает, что̀ такое борьба не на жизнь, а на смерть. Бомба вызвала пожар в помещении, где внизу был склад боеприпасов. Снаряды стали рваться. Взрывы раскидывали щебень, перевёртывали глыбы разрушенных стен, страшно было глядеть на это зрелище со стороны. Надо было решаться. Он первый прыгнул в помещение, наполненное гулом и огнём, командуя своим стволовым: „Топи! давай!".

Они последовали за ним. Летели камни и кирпичи. Под ногами, в глубине подвала рвались снаряды. Снаряды торчали среди перевёрнутых глыб. В дыму, спотыкаясь на грудах битых кирпичей, натыкались на разогревшиеся снаряды, торчавшие между балок. Их передавали с рук на руки и охлаждали струями воды. Бесстрашие решило дело. Струи воды лились налево и направо, вверх и вниз. Через пятнадцать минут всё было кончено. Был спасён объект первостепенной важности.

Каляев же мастерски сбивал огонь с горевших цистерн с бензином, лазал в пылавшие пароходы, набитые снарядами, он смотрел столько раз смерти в глаза, что потерял всякий страх. За отсутствием воды он тушил огонь снегом, он умел маневрировать с одной цистерной за неимением других. Он умел многое.

7

Начальник другой команды тов. Кулаков — пожарный по призванию, с законченным образованием, со сложившимися взглядами опытного тушителя пожаров. Он говорит о пожарах: „Пожары, как судьба, неожиданны. Каждый раз не знаешь, что встретишь. Но должен быть всегда готов. Перегруппировки сил перед бушующим огнём не может быть. Разведка мгновенна. Решение не допускает ошибки. Сил мало — враг силён. Всё равно атакуй. Надо прекращать немедленно. Быстрота — главное. Помни, если горит ценное здание, надо спасать наследие народа. Горит завод — каждый станок — помощь фронту. Надо ничем не пренебрегать в изучении опыта пожаров. Передавать опыт, любить свою профессию выше всего. Сила огня сломлена — нравственное удовлетворение. Пожар потушен — хорошо на душе“.

Он видел сложнейшие случаи. Было так, что бомба вывела из строя много пожарных, вторая ударила в цех, третья — туда же. Среди пожара обстановка менялась ежеминутно. Внимание требовалось необыкновенное, изворотливость необычайная. Справились. Потушили. Пять часов прошли, как пять минут.

Кулаков — потомственный пожарный. Его отец Максим Васильевич — старейший в Советском Союзе пожарный, более сорока лет несущий службу, несмотря на свои шестьдесят четыре года.

Таков же бесстрашный Курик, начальник команды, спасший батарею, погасив склад загорев-

шихся снарядов; таков и Юшков, который работал на пожаре, где отдельные баллоны с горючим составом, взрываясь, летели в воздух на сто пятьдесят метров и падали на головы работавших, а грохот стоял такой, что нельзя было слышать друг друга. За триста метров стояли наблюдавшие за пожаром люди и страшились за пожарных, а они подходили всё ближе к самому центру пожара, как будто были неуязвимы. И действительно, они умели сражаться без потерь. Они прорвались и одолели огонь. А взрывные волны за сто метров бросали человека на землю. „Земля уходила из-под ног", по собственному выражению Юшкова.

Даже в дом, где жили его пожарные, иногда попадали снаряды. Вылезали из комнат и заделывали дыры. Жили дальше.

На боевом счету рядового бойца Якова Кокоткина, награждённого орденом Красной Звезды, четырнадцать пожаров. Он — везучий. На одном пожаре — так и хочется сказать — в одном бою — снаряд через две минуты после того, как Кокоткин сошёл с машины, разнёс вдребезги машину.

Кокоткин повидал войну с первых дней. Его застала война на Карельском перешейке, где он тушил горящие дома среди минных полей, под бомбёжкой, под обстрелом, под пулями просочившихся в тыл автоматчиков. Он тушил горящий Петрозаводск, его команда получила благодарность маршала Ворошилова за героическую работу. Снова он попал в Ленинград и во время тушенья был контужен снарядом.

Бойцы Ибрагим Бахтиоров и Николай Кондаков —

сколько они могут рассказать про свои трудовые подвиги! Нет, не просто быть пожарным в осаждённом Ленинграде. Нужно тщательно собрать всю историю пожарных трудов за время осады, чтобы будущие поколения пожарных с уважением взирали на ветеранов, показавших, что̀ такое настоящий пожарный. Разве можно сравнить все бывшие в довоенное время пожары с теми, что пришлось тушить ленинградским пожарным за время войны?

Страна должна знать своих героев. Если мы описываем подробно подвиги, совершённые на поле сражения, в воздухе или в море, то чем хуже скромные герои огненных битв, которые под бомбами и снарядами, не жалея жизни, отстаивали народное достояние, падая убитыми и ранеными?

Захар Хабибулин — один из таких спокойных и крепких бойцов, он спас из горящего и разбомбленного здания двадцать человек и потом сам оказался отрезанным огнём на пятом этаже, грозившем обрушиться. Но он не растерялся и спасся, применив всё своё уменье.

Одним из патриархов всех этих молодых храбрецов несомненно является Иван Афанасьевич Рассейкин, который, несмотря на свои пятьдесят девять лет, взлезает на верх лестницы Магируса высотой в сорок пять метров, который помнит все знаменитые пожары Петрограда с 1905 года.

За свою долгую работу он был на двух тысячах пожаров и спас пятьсот с лишним человек. Он

говорит про тайну пожарного мастерства так: „Быстрота, опытность, сила и смелость — вот качества настоящего пожарного. Люби свое дело, учи, ставь на ноги молодёжь!“. Его брат, его племянник — тоже пожарные. Тоже в Ленинграде.

Среди женщин, пришедших во время войны в команды, почти все втянулись в работу. Эти смелые девушки стали связистками, химинструкторами, стволовыми, топорниками. Они не боятся трудностей, как и мужчины, лезут в самое пекло боя. Такова была погибшая Стаценко, таковы и ныне здравствующие Репкина, Романова, Капустина, Баранова и другие.

Много подвигов, много самоотверженности проявили бойцы огненного фронта. Они сражались и сражаются на совесть. Они отстаивают город своего сердца — Ленинград!

8

Есть пожарные, занимающие особое место среди ленинградских команд. Это — колпинские пожарные. Колпино — героический город в трудные дни осени сорок первого года мужественно отбросил немецкие отборные части и не пустил их дальше. С тех пор он в авангарде Ленинградского фронта и сражается непрерывно. Он дал фронту много отважных бойцов, и среди них не на последнем месте колпинские пожарные. Город подвергался самым жестоким бомбёжкам и обстрелам, пожары в нём случались трудные и сложные, но пожарные Колпина высоко держали знамя, и их не смущали никакие трудности.

Товарищ Горюнов был начальником команды. Ему помогали Клаас и Сорокин. Немецкий подбитый самолёт упал, объятый пламенем. Горюнов потушил пожар самолёта, снял с него пулемёт и помогал задержанию лётчика. Колпинские пожарные меняли свои пожарные рукава на винтовки, уходили снайперами на передний край и уничтожали фашистов. Так, инспектор Белоконь и младший командир Заморин перебили свыше сотни гитлеровцев. Их примеру следовали и другие.

Был такой случай, когда вспыхнувший пожар, пожирая легковоспламеняющиеся деревянные строения, грозил переброситься на соседние улицы, и силами одних пожарных было бы трудно остановить его. В это время на фронт проходили танки. Начальник команды обратился к командиру с просьбой помочь.

Танки проехали через брошенные пустые дома, готовые загореться, и разрушили их. Огонь, не находя поживы, остановился. Пожар ликвидировали.

Пожарные работали на укреплениях, несли постовую службу, организовывали огороды, ломали дома на дрова, расчищали от снега дороги и городские дымоходы от сажи. Они тушили загоревшиеся снаряды, спасали от огня склады с продуктами.

Среди них работали и женщины, как Романовская, Михалёва, Горносталева. Около тридцати девушек были пожарными. Они работали хорошо, получали благодарности.

Был случай, когда во время вечера самодея-

тельности пришло известие о пожаре. Все, как были в костюмах, не переодеваясь, бросились на пожар и потушили его.

Враг пробовал закидывать диверсантов и шпионов. Их быстро ликвидировали, и в этом деле участвовали пожарные. Так, начальник караула Осаул во время обстрела заметил сигнализирующего белой скатертью. Человек стоял на балконе. Делая вид, что он стряхивает крошки, он махал то одной белой стороной скатерти, то стороной с красными полосками. Осаул задержал его, и он оказался шпионом. Помощник командира отделения Александров задержал двух неизвестных, пробиравшихся к нашему аэродрому. Они оказались ракетчиками.

Немцы хотели уничтожить Колпино, делая на него ожесточённые огневые налёты. Но колпинские пожарные помнили героические традиции своего города. Перед ними был пример рабочих Ижорского завода, которые прямо с собрания уходили в окопы или садились в танки, сделанные их же руками, и шли в атаку на немцев. Колпинские пожарные на огненном фронте показали превосходное мастерство и упорство закалённых бойцов. Они показали настоящий патриотизм и, неся жертвы, смело выполняли свой долг.

9

То, с чем столкнулись пожарные Ленинграда, не имеет прецедентов в истории пожарного дела в России. И масштабы работы, и особые условия,

в которых она протекала, и совокупность усилий, какие потребовали события от пожарных, показали, насколько хорошо были они подготовлены к действиям во время войны.

Постоянная напряжённая обстановка, боевая срочность выполнения необычных заданий показали всем, с каким мужеством и храбростью могут работать ленинградские пожарные.

Сотни пожаров, описание которых составило бы солидный том, потушены ими. Без руководителей, прекрасно разбирающихся в пожарном деле, без командиров-воспитателей эта работа никогда бы не была такой успешной.

Большевики-командиры, начиная с тов. Серикова, его помощника подполковника Климова и начальника штаба Кончаева, тов. Голубева, автора учебника „Тактика пожарного тушения", руководившего непосредственно группами тушения, помощника начальника управления, обеспечивающего всю технику, начальника тыла тов. Демьяненко, — они шли в самую гущу огня, были на самых опасных местах и показывали пример самообладания, они учили своих подчинённых уменью и высокой сноровке, они воспитывали героев Отечественной войны, сражавшихся за Ленинград.

Дежурные по городу, эти скромные работники, о которых в печати почти ничего не известно, присутствовали неизменно на всех пожарах. Они — живые свидетели подвигов и первые работники пожарного дела. Они бросались с пожара на пожар, не считаясь с усталостью или опасностью. Тов. Тарвид, его заместитель Данилов, Иванов,

Мялло, Дегтярёв многое могут рассказать, у них богатый опыт, какого нет ни у одного города нашего Союза.

Воспитание пожарного ведётся не только в области освоения техники и приёмов тушения пожара. Политработа играла и играет немаловажную роль в деле воспитания сознательного, крепкого, выносливого бойца огненного фронта. Агитаторы и организаторы, из которых ведущими были товарищи Антропов, Панов, Гансон, Сорокин или много положивший труда на эту работу агитатор и организатор тов. Зеликовский, не только проводили беседы на нужные и полезные темы, они шли на самые ответственные участки пожаров, так что их слово не расходилось с их делом. Это способствовало тому, что рост партийной организации был всё время непрерывным и повышающимся.

Пожарное дело ко времени войны стало очень непростым делом. Что знал прежний, дореволюционный пожарный о технических процессах тех или иных заводских производств? Ничего он не знал или очень мало. В старину, например, профилактика вообще не была известна. А теперь пожарные командиры специально изучили особенности пожаров на предприятиях, случаи их возникновения, технологические процессы, почему и оказались так хорошо вооружёнными при противопожарной обороне. И если к хищническим способам нападения на город подлый враг присоединит ещё и химическую войну, то пожарные не растеряются и в этом случае.

Постоянное совершенствование команд — первое условие боеготовности. Для этого дела нужны сильные, развитые люди. Поэтому спорт пользуется у пожарных большим вниманием. Ленинградские пожарные входят в спортивное общество „Динамо“, занимаются гимнастикой, физкультурой, лыжным и водяным спортом. Пожарные военизированы и могут, если потребуется, показать своё уменье обращаться с винтовкой и гранатой для истребления ненавистного врага.

Их помещения содержатся в чистоте, распорядок их жизни чисто военный, дисциплина строгая, как и полагается в городе-фронте. Они любят своё опасное дело и преданы ему всей душой. У них высокое представление о своём долге. На одном большом пожаре, когда от дыма и усталости стало плохо одному стволовому, находившаяся поблизости связная, химинструктор Мария Репкина сказала ему: „Отдохни, дай я тебя подменю“. Он взглянул в решительное лицо этой девятнадцатилетней отважной девушки и ответил: „Мне стыдно, я, мужчина, передам ствол девушке“. Репкина ответила: „Ничего в этом нет стыдного, я понимаю, что ты не хочешь сделать этого без приказания“. Тогда его начальник тов. Тарлецкий приказал ему передать ствол. И только после этого он оставил своё место.

А если вы спросите, как молодые девушки, только вчера ставшие связистками, не боятся опасности, они вам ответят, как настоящие ленинградки: „Вы не должны чувствовать опасность... Вы идёте всюду, куда идёт начальник; он идёт

по крыше, и вы, он спускается в огонь, и вы, он посылает вас с приказанием сквозь дым и рушащиеся стены, и вы должны только помнить о том, чтобы не перепутать приказание. Вы должны иметь хорошие ноги, хорошую память и крепкие нервы. Большего вам не надо".

— Это золотой народ, — сказал про пожарных один фронтовой командир, не раз наблюдавший их работу, — они настоящие солдаты, и награды, которые они получили от правительства, вполне ими заслужены. С такими бойцами я пошёл бы в любую атаку, зная, что они не подведут.

...Трудна, очень трудна работа пожарного, особенно в осаждённом городе. Никогда столько не требовалось от пожарного, как сейчас. Но пожарный всегда был на высоте положения, и его дела неразрывно вошли в историю обороны нашего великого города.

Много героев родил Ленинград. И если брать одну за другой области его труда для фронта, в каждой найдёте вы дела, которые поразят ваше воображение, вы удивитесь страстному патриотическому порыву, той неискоренимой ненависти к врагу нашей Родины, которая живёт в народном сердце, силе её и силе гордого и упрямого духа свободолюбивого ленинградца.

И тогда вы увидите, что нет малых и больших профессий, а есть одно великое движение, народным чутьём понятое, зажёгшее душу, чувство долга и высокого достоинства русского человека, который никогда покорён не был и покорён не будет.

К таким незаметным с виду, работающим в стороне от широкого общественного внимания труженикам относятся и ленинградские пожарные, скромные и беззаветно храбрые люди. Они молча хоронили своих убитых, перевязывали своих раненых, они, не зная отдыха, работают день и ночь, оберегая Ленинград.

ОГИЗ. Госполитиздат. Ленинград. 1943.

Цена 60 коп.

Отв. редактор *Н. Гессен.* Техн. редактор *А. Хрош.*

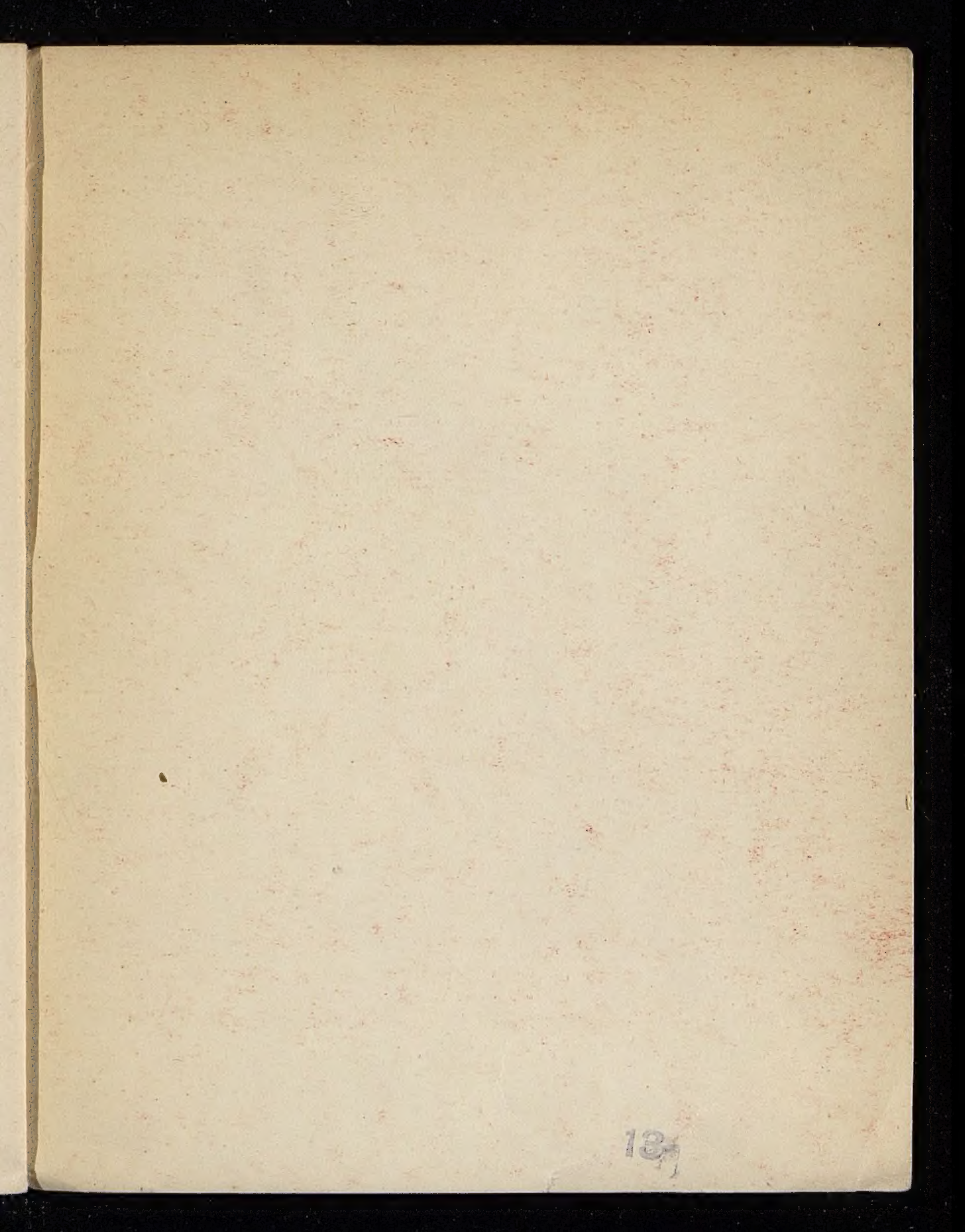
Обложка худ. *П. Григорьянц.*

Подписано к печати 20|VIII 1943 г.

1 печ. л. 1,10 уч.-авт. л. 44540 тип. знаков в 1 печ. л.

Тираж 10 000 экз. М 02447. Заказ № 70.

ЛТ—УН-6

13

60 коп.

ОГИЗ · ГОСПОЛИТИЗДАТ
ЛЕНИНГРАД · 1943

